

Магистрал

Когда сплетишь венок из арматуры,
гвоздей и гильз, оградок и оград,
увидишь вскоре, кто тебе камрад,
кто банный лист, кто спяну или сдуру;

сестра не очень в сестрах, брат — не брат,
судьбу вершит измятая купюра,
де-факто не стыкуется с де-юре,
и очередь — последнее забрать.

Свое отпели струны-оборванки:
здесь ноты механической обвалки
развешивает ночь на провода...

От безнадеги удавилась Осень.
Таких теперь бесплатно не выносят...
Висит. Ни обвинить, ни оправдать.

1

Когда сплетишь венок из арматуры,
и даже по размеру головы,
найдутся ли ценители? Увы,
от пригlamourья ближе до Сатурна.

Но ты плети — с эффектом нулевым
оставить след на фоне серо-буром, —
без жалости, без права на халтуру,
пока тебя каюк не приловил...

Вить иль не вить? Тем более не просят.
Привычней лиц оттенок купоросный,
саморасход и с неба невозврат...

Не мне мешать комфорту нор сурочьих —
прости, мон шер, что вкус у этих строчек
гвоздей и гильз, оградок и оград.

Гвоздей и гильз, оградок и оград
 (случайно) приготовлено с запасом:
 реальность крепко держит мясо в пасти
 и ничему ни разу не гарант.

Проспали в изобилии колбасном
 под чарку и речей барбитурат?
 Проснулись — антология утрат,
 в кармане тундра и в душе пампасы...

У мытарей неведомая прыть,
 а там, где пьешь, — не вздумай закурить;
 картинка — срок, откат — неприкасаем...

Ну, как тебе тарифы райских врат?
 А если не согласна с небесами,
 увидишь вскоре, кто тебе камрад.

Увидишь вскоре, кто тебе камрад, —
 так милый узнается по походке...
 Утрет салфеткой взмыленную холку,
 и разделить кофейник будет рад;

разложит при свечах Таро и хокку,
 расскажет про Ковчег и Арарат,
 предложит ходунки, костыль, домкрат —
 и сгинет на рассвете потихоньку.

Потом пришлет сюжет издалека,
 как ловится акула на малька,
 и чем живцу привлечь ее натуру...

Но не ответит, есть ли жизнь на дне
 среди некамрадов. Что ж, ему видней,
 кто банный лист, кто спяну или сдуру...

Кто банный лист, кто спяну или сдуру
 прилип, прилег, пристроился, приник,
 а кто-то возомнил, что мой двойник
 и три в одном: джедай, сенсей и гуру.

И что ни слово — снег за воротник
 (аж буквы дыбом на клавиатуре)...
 Мон шер, позволь побыть одной из фурий
 и поменять предзимье, кожу, ник

на ранчо, май, мустангов и бананы,
на двадцать разделив твое «не надо»
и объявив всему и всем антракт...

Потом продолжить акт в скелете-экзо,
поскольку не соперники железу
сестра не очень в сестрах, брат-не брат.

5

Сестра не очень в сестрах, брат не брат:
не в счет родство, и лавры с хреном порознь.
Родимых пятен срезанную поросль
покрыли время, мат и ламинат...

Всяк сам себе ядрен батон и полюс,
внутри себя сопящий эмигрант:
вставной улыбки солнечный «ол райт!» —
и нет охоты выдохнуть «опомнись!»

Все лучше, чем откуда-то извне
ловить момент, когда подарят мне
игольницу-сердечко из велюра...

Соблазн игловтыкания — табу,
и в мыслях не раскатывай губу!
Судьбу вершит измятая купюра.

6

Судьбу вершит измятая купюра —
отмытая, хранящая следы
пороков, слез, прилавков, рук, еды,
крушений, подношений, авантюры...

Получена Емелей от Балды,
потрачена на печку в кракелнорах,
Антуанетту делала из Нюры,
штандарты поднимала (и зады)!

Доподнималась. Выше только звезды.
Не брезгуя ни кровью, ни навозом,
сваяла потреблятского раба.

И что, под абажуром все в ажуре?
Да, только подкупюрная борьба
де-факто не стыкуется с де-юре.

7

Де-факто не стыкуется с де-юре?
То фигов лист накинута на развал.
В хлеву законов конь не ночевал,
но влажные мечтанья прутся буром.

Прикормлена массовка подпевал,
хранитель-ангел пал как жертва сюра,
впотьмах приняв бардак за амбразуру
(как тут не удержаться от похвал!)

Два звона, колокольный и медальный,
названивают что-то феодально,
и рэперам заткнули другорядь...

Итог? Одним — качать, другим — качаться.
Пейзаж? Зима, проглоты-домочадцы
и очередь — последнее забрать...

8

И очередь — последнее забрать
(в меню: ню-ню, привет из девяностых!)
плодится-размножается так просто,
как в банке с кормом дрозофиля рать.

И каждый хочет много: замок, остров,
жене подшерсток, деткам все на ять.
Ах, совесть? Если нет — не потерять.
Кому высотки с видом на погосты?!

Мон шер, немного прозы: пара баб,
чтоб выжить без работы и без пап,
снесла на лом чугунные болванки...

Суд справедлив: впаял три года срок.
Ни Бог, ни бард тем паче не помог —
свое отпели струны-оборванки...

9

Свое отпели струны-оборванки,
в гитарном теле моль свила гнездо,
зима пророчит гетто от и до,
и просится обратно в сказку Ванька,

где он герой, а не фрагмент УДО...
Идет себе ни шатко и ни валко
игра низов с верхами «Выживалка»,
а пишут, что велик с козла удой.

И было бы смешно, но что-то грустно.
Беги из-под запрета, русский устный! —
тебе не ровня ханжество и спесь...

Отнюдь. У всех свои рубцы и вавки,
и некому исполнить песен песнь —
здесь ноты механической обвалки.

Здесь ноты механической обвалки
 присущи кронам, птицам, людям, псам:
 рассыпаны по клювам и усам,
 по кранам, унитазам, скороваркам,

назойливо скрежещут «сделай сам!» —
 и все дела как будто из-под палки,
 и сломанного времени не жалко,
 и надо бы заткнуться голосам

в амбициях, в подпитии, в экстазе
 (накрыл бы всех и сразу медный тазик,
 да стала частной медная руда)...

Но есть и добрый знак для чуда ждущих,
 когда тишайший снег и чьи-то души
 развешивает ночь на провода.

11

Развешивает ночь на провода
 уснувших птиц, отбившихся от стаи,
 шестые чувства (склеваны местами)
 и лунный свет (ничей и в никуда)...

И провода не плачут, что устали,
 их воля многожильная тверда,
 но если ветром рвутся иногда,
 то реже тех, кто их служить заставил.

А это столб. И он стоять готов
 во имя параллели проводов,
 седой башкой фонарной светонося.

Все вроде бы путем и по уму,
 попробуй догадаться, почему
 от безнадеги удавилась Осень...

12

От безнадеги удавилась Осень,
 за малым календарь опередив,
 приняв на грудь дождя аперитив
 и дым вдохнув запретной папиросы...

Кому какое дело? Был мотив.
 (Спросите у вороны-альбиноса,
 что светит ей среди глядящих косо.
 Тем более счета не оплатив...)

Ушла, не попросившись поэтично
на розовом-березовом, на птичьем, —
ну, не смогла... Кому должна — прощен.

Не плачь, мон шер, Провансом и прононсом —
на фоне зимнем повисит еще,
теперь таких бесплатно не выносят...

13

Теперь таких бесплатно не выносят,
поскольку в прибыль дамочка с косой.
Но если ты наследственно босой,
то напоследок — ни гвоздей, ни сосен...

Омоешься туманом ли, росой
и самоотпоешься прямо в осыпь.
Какой-то куст листву поверх набросит.
Какой-то снег приляжет в унисон.

А по весне журчливая водица
расскажет, как не дал обогатиться
приличным господам безродный тать.

Тебе отсалютует черной меткой
последний лист, оставшийся на ветке.
Висит. Ни обвинить, ни оправдать...

14

Висит. Ни обвинить, ни оправдать
за пожеланье многим удавиться:
смотреть на эвтаназию провинций
кому-то очень даже благодать.

Ушли в астрал (и в камеры) провидцы,
пришла на сошку с многоложкой знать,
иссякла сила «вбогадушумать»,
от вируса продажи не привиться,

а «сила в правде» мимо докторов
ушла туда и так же, как Бодров...
Бессмертно лишь одно: «Пилите, Шура!»

И шуры пилят. Кэш и шар земной.
Еще не то почувствуешь спиной,
когда сплетешь венки. Из арматуры.

